

20. Фатеев С. П. Руссоизм в русской литературе XIX века : проблема “человек и город” // *Ielkie miasto. Czynniki integrujace i dez integrujace.* – Ldz : Wydawnictwo Uniwersytetu Lodzkiego, 1995. – С. 149–181.
21. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. : [текст] / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1974–1983.
22. Шпенглер О. Закат Европы : [текст] / О. Шпенглер // *Самосознание европейской культуры XX века : Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе* : Сб. Т. 2. – М. : Политиздат, 1991. – С. 15–158.

Аннотация

Рассматривается, как изображён город в русской литературе 2-й половины XIX – начала XX в. в соотношении с деревней. Прослеживаются основные тенденции развития этой темы.

Ключевые слова: город и человек, город и деревня, город и усадьба, противоречия эпохи, позиция писателя.

Анотація

Розглядається, як зображене місто в російській літературі 2-ої половини XIX – початку XX ст. у співвідношенні з селом. Простежуються основні тенденції розвитку цієї теми.

Ключові слова: місто і людина, місто і село, місто і садиба, протиріччя епохи, позиція письменника.

Summary

It is concerned the description of a town in Russian literature of the second half of the XIX – beginning of the XX century in accordance with a village. The main tendencies of this theme development are under the view.

Keywords: town and a person, town and village, town and country estate, the epoch contradictions, the author's viewpoint.

УДК 10.01.03

Гоголадзе Т.А.,
доктор филологических наук,
Горький университет

ОППОЗИЦИЯ “ГОРОД / СЕЛО” В ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЯ-НАРОДНИКА С. МГАЛОБЛИШВИЛИ

В последнее время большое внимание литературоведов уделяется **городской** теме в художественном тексте. В этом аспекте, в частности, особенно интересна художественная проза писателей-народников.

У писателей-народников, наряду с игнорированием развития капитализма как общественного явления, замечается также равнодушие и к **городу** – миру совершенно иному, как к оппозиции **села**. Такое отношение объясняется теми социально-экономическими процессами, которые следуют после отмены крепостного права в деревнях, когда обездоленная часть крестьянства едет в **город** в поисках работы – среди ремесленников и рабочих.

У народников сельская жизнь с её жителями, сельчанами и господами описана почти фотографически, без всяких прикрас и искусственности. Разночинец должен был создать – и действительно создал – глубоко правдивое литературное направление [4, 15].

Поэтому “Произведения наших народников-беллетристов надо изучить так же внимательно, как изучаются статистические исследования о русском (в данном случае о грузинском – Т.Г.) народном хозяйстве или сочинения по обычному праву крестьян. Ни один общественный деятель, к какому бы направлению он не принадлежал, не может сказать, что для него необязательно такое изучение. Кажется, что на этом основании можно простить народникам-беллетристам много вольных и невольных прегрешений против эстетики” [4, 47].

Эпоха грузинских писателей-народников начинается с 70-х годов XIX столетия вплоть до конца века. К этому времени развивается **город** с его промышленностью, архитектурой и населением. Население **города** многочисленное, особенно много черни: бывшие крепостные, слуги, мелкие продавцы и т.д. Здесь еще отчетливее видна стена между имущими (помещиками, купцами, разбогатевшими промышленниками) и с неимущими. К тому же, между ними ведётся внутренняя борьба за кусок хлеба, за работу. Та теплота и дружеское отношение, что существует в селе, несмотря на неимущество, обретает вид общности, что и привлекательно для писателя-народника. Все его мысли направлены на судьбу бедняка и в **селе**, и в **городе**. Этим и объясняется особенность описания оппозиции **город/село**. **Город** не только не спасает вырвавшего из сельской среды бедняка, но и угнетает, уничтожает его.

Как пишет литературовед Г. Тавзишвили, нужно разделить творчество писателя-народника Софрома Мгалоблишвили (1851–1925) на два периода: с 70-х годов XIX столетия до 1905 года, а потом – до 1921 года.

Тема оппозиции город/село в художественной прозе грузинского писателя-народника Софрома Мгалоблишвили малоизучена грузинскими литературоведами (М.Е. Зандукели, Г. Тавзишвили, Ак. Кенчошвили и т.д.) вплоть до 1983 года. В монографии “Художественная проза С. Мгалоблишвили” был изучен этот вопрос, но с налётом “конъюнктурной рамки” методологии “соцреализма”. В этой работе произведения С. Мгалоблишвили рассматриваются в новом свете, учитывая основные аспекты целей и направлений писателя-народника, что и является основной целью нашего исследования.

М. Зандукели пишет, что в рассказах С. Мгалоблишвили ярко выражено отрицательное отношение к городу как продукту развивающегося капитализма. “Лучше **деревня!** Там больше чистоты, там больше полны, чисты образы – дочь Гмирисэули Саломэ, Нэнэ, Дэметрэ” [1, 200] (на груз. яз.).

А. Кенчошвили: “Как и можно было ожидать, по мнениям народников, действие происходит в городе и, следовательно, главным виновным в гибели Дэметрэ является горожанин, купец Казара... Народническая идеология мешает

С. Мгалоблишвили глубоко проникнуть в образ купеческо-капиталистического **города**” [2, 530] (на груз. яз.).

У писателей-народников, наряду с игнорированием развития капитализма, замечается и равнодушие к городу – совершенно иному, отличному от деревни миру.

В деревне царят темнота, отсталость, бедность, бесправие. Человек унижен морально и физически. Но обстановка в деревне иная, ее жители, находящиеся почти в одинаковых условиях, если не помогут, то хотя бы подбодрят друг друга добрым словом.

Город, по мнению народников, **холоден**. Здесь все люди, и богатые, и бедные, обособлены. Это скорее внешне суеязеющееся, занятое своими думами объединение индивидов, нежели настоящий коллектив. И унижение здесь горше и тяжелее, разврат и подлость – привычные проявления поведения “сильных мира сего”. Бедняк, приехавший из деревни, тем более, здесь теряется. Его конечная судьба – попрошайничество или голодная смерть. Так думает писатель-народник.

С этой точки зрения самым агрессивным среди грузинских писателей был С. Мгаловлишвили: “Внизу растянулся город, полный коварства, где брат не понимает брата, продает, терзает его душу и сердце, где как будто у всех в руках ножи мясников и они безжалостно вонзают их в горло братьев своих меньших” [3, 509] Подобное отношение писателя к городу в некоторой степени обусловлено отношением к **городу** крестьян. Поэтому С. Мглоблишвили упоминает город только в тех случаях, когда хочет показать судьбу крестьянина, а не для того, чтобы изобразить быт жителей города. **Город** для писателя – лишь место действия его сельских героев. Отрицание города служит здесь показателем того, что и тут нет крестьянину приюта. В то же время писатель изображает и людей, живущих в городе, связанных с крестьянством экономически или юридически: перекупщиков, ростовщиков, чиновников судебного аппарата.

С этой точки зрения интересен рассказ “Гмирисзули”. В нем писатель впервые противопоставляет деревню и город. Саломэ, убежавшая из деревни, переодетая мужчиной, направляется в **город**. **В городе** она снимает квартиру и начинает работать прачкой. Но Саломэ убеждается, что и здесь, в этом **большом городе**, который она считала средоточием богатства, где все ей казались одинаково довольными, где все должны были быть счастливы, и в этом городе полным-полно детей бедности и печали; убедилась, что и “здесь еще больше подати собирает бедность, что она разъедает человека, его душу, отнимает честь и совесть; убедилась, что эта подать и деревне не так тягостна для народа, там и душа чиста и непорочна” [3, 465].

Саломэ окружают бесчестные люди, которые стремятся овладеть ею. Ее спасают отвага и твердость духа. Она вновь возвращается в село.

Городская тема раскрыта С.З. Мгалоблишвили и в рассказах “Семья Деметрэ”, “Маленький эскиз” и “Снова в западне”. В клещи города попал сын бедного крестьянина Деметрэ Аскиладзе /“Семья Деметрэ”/. Совсем маленьким его отдали в подмастерье сапожнику, где он стал “пиначом” (мелким сапожником).

Грубое отношение мастера наложило на его душу неизгладимей след. Деметрэ бежит в большой город, в Тбилиси, и там начинает работать рассыльным, а затем попадает в общество тбилисских кинто (свободных ремесленников и жуликов). У них он научился самопожертвованию ради друзей. Из-за участия в “бунте” городских цеховых рабочих Деметрэ вынужден укрыться в деревне. Этот молодцеватый юноша не лишен ни смелости, ни воли, но он отвык от труда земледельца, потому что он пристрастился к развлечениям: “<...> **Селская** работа у него не ладится, ему уже чужда деревня, да и чему он мог научиться, шлясь с господами и кинто. Эх... Широка деревня, только надо найти к ней подход!”, – судачат о нем соседи” [3, 488].

Деметрэ почувствовал себя лишним на селе и поэтому, женившись, сразу уезжает в город. Обзаведясь семей, он вспоминает ремесло и начинает работать сапожником. Но для того, чтобы начать дело, какое бы маленькое и ничтожное оно не было, нужны деньги, и Деметрэ идет одолжить их к ростовщику Казару Микиртумову. Эти пятьдесят рублей оказались роковыми для него, так как все, что он добывал, шло в уплату процентов. Он похудел, обеднел, превратился почти в нищего. Не мог он уже и работать. Его, самолюбивого мужчину, содержала жена, добывая деньги стиркой и выпечкой хлеба. А Деметрэ, несмотря на то, что он дни и ночи работал, и душа еле теплилась в нем, не мог вырваться из тисков бедности. В душе Деметрэ кипит злость: “Как весь мир, так и мы, да? Как бы не так! Значит Казар живет так, как мы? Нет уж! Он вытянул из таких, как я, всю кровь и разжирел” [3, 489]. Иногда Деметрэ думает о том, чтобы снова отправиться в **большой город**, в Тбилиси. Но семья удерживает его. Дошедший до крайности человек готов на все, даже на честь своей жены он смотрит, как на товар, хотя и не решается сказать об этом громко, вслух. “Надломила его жизнь, убила его душу и сердце, до того он дошел, что порой, как молния, мелькала у него чудовищная мысль: поступиться честью жены, но когда он представил это общество, то огонь стыда сжигал его и бросал в дрожь” [3, 490].

Впавший в отчаяние Деметрэ последний раз пытается сразиться с Казаром и выгоняет его и адвоката.

Деметрэ – довольно нетипичный образ. Но то, что он был создан, можно объяснить стремлением автора показать судьбу деревенского человека **в городе**, и даже, если он не будет сгущать краски, все равно наглядно видно, как город затягивает в свои клещи, опутывает “экономической паутиной” и затем выкидывает крестьян опустошенными.

Исследователь Г.Я. Тавзишвили считает образ Деметрэ незавершенным: “Вышедшего из села честного трудящегося крестьянина он ведет не по его закономерному, естественному пути – к фабрике и пролетариату, а по искусственному, неестественному, ложному пути – к городским кинто. Софром не понимает тенденции жизни Деметрэ, его социальной перспективы. Он видит, что круг кинто и карачогели – отнюдь не призвание Деметрэ, и т.к. не понимает его

будущего – делает из него простого ремесленника, сапожника, должника перекупщика и купца и заставляет безвременно погибнуть” [3, 45].

Дело в том, что Софром Мгалоблишвили вначале связал своего героя с ремесленниками, а затем отправил его в Тбилиси, где он прошел несколько ступеней, прежде чем стать кинто. В обществе кинто его покорило их мужество и способность к самопожертвованию ради друг друга. Интересно, что писатель делает из своего героя участника восстания тбилисских цеховых (1865 г.).

Безусловно, вернувшийся позднее из села Деметрэ не мог стать в ряды пролетариата, т.к. в то время еще не было соответствующего широкого производства. **Город** ремесленников толкал его к изначальной профессии.

В 70-ые годы XIX века человек, приехавший из **деревни** в провинциальный **город** Гори, не мог бы найти никакой другой работы, которая могла обеспечить ему заработок, позволяющий прокормить семью. Нетипичность Деметрэ вызвана тем, что автор не мог до конца показать противоречия, назревающие между перекупщиком-ростовщиком и помещиком, и п. э. искусственно прервал развитие сюжета смертью героя. Вернее, придал другую форму начавшемуся противоречию между героем и его семьей.

Зато Казар Степанич, почетный гражданин города, – очень точный, до конца очерченный образ перекупщика-ростовщика. Жизненный путь Казара – это жизненный путь Соломона Исакича Меджгануашвили, с той лишь разницей, что здесь добавлена новая деталь – крайнее нравственное растрепанное героя. Писатель саркастически рисует “плешивого Казуа”: “Нос Казара был точно как у поросенка, глаза целиком заплыли жиром” [3, 498].

Стремление к наживе, желание стать почетным гражданином **города** заставили Казара испытать много унижений. Его выручку часто топтали ногами, над ним издевались, смеялись, избивали. Но он потихоньку, по копейке, собрал богатство, в его лапы попали, как и бывшие мучители, так и невинные жертвы и он, словно паук, безжалостно высасывает из них кровь.

Казар отнюдь не раскаивающийся, подобно Соломону, купец, а глубоко убежденный в правоте своего дела грабитель, перед которым все склоняют головы. И если раньше него звали “Плешивый Казуа”, то теперь называют Казар Степанычем. У него в руках все: и даже сам суд со всеми его инстанциями. Перед ним гибнут люди, а он равнодушно шагает по трупам, и никто не останавливает его. Казар не успокаивается даже после того, как экономически губит Деметрэ. Теперь он хочет подчинить своей власти Нэнэ. Для него не существует ничего святого, т.к. он знает, что “много зла творят деньги, но нужно терпение, терпение!” [3, 499]. Даже в смерть его никто не верит: “<...> Именно тогда весь город встал на него: бегают туда-сюда, задние спешили за передними и восклицали: “Что такое, что случилось?... Казару Степанычу начисто снесли голову, – отвечали стоящие впереди и устремлялись к дому Казара” [3, 507].

Город таил страшные опасности для деревенской женщины. Бедная женщина Нэнэ, жена Деметрэ: первую половину жизни прожила в селе, вторую – в

городе. Вся тяжесть по содержанию семьи легла на плечи бедной женщины. Это бы еще ничего. Нэнэ не жалеет себя, но все, с трудом возведенное семейное благополучие, рушится: ее муж гибнет и она лишается единственного защитника, смерть от голода стучится в дверь, и вот уже **город** начинает постепенно зажимать ее в свои тиски. “Еще не успела она похоронить мужа, еще не высохла его могила, а люди уже не давали Нэнэ покоя, выдумали множество сплетен. Когда она с работы шла домой и она вынуждена была проходить мимо духанов, уличные пожарники нашептывали ей гадкие стишки, бесстыдно задевали ее, приставали к ней, т.к. думали, что она бедная и ее легко соблазнить. Нэнэ, как затравленный зверь, обходила пожарных, обливалась жарким потом, в глазах у нее темнело, и от волнения она шаталась, как пьяная” [3, 497].

Верная жена и мать, она вынуждена ради детей уступить желанию врага своей семьи, виновнику смерти мужа. Автор с поразительной непосредственностью передает переживания простой, честной женщины: “Она не могла решить: что лучше – честная бедность или бесчестное богатство и роскошь? И откуда было у Нэнэ взяться столько разума, чтобы решить этот вопрос. Но там, где не помогает ум, там сердце занимает место ума, и человек подчиняется тому, что оно внезапно нашепчет, часто так и бывает” [3, 503–504].

Нэнэ предпочитает честную бедность, но трудно избежать клещей Казара. Несчастливая женщина уже не в состоянии противиться силе и сдается. Теперь в ней остается святым только материнское чувство. “Вот этой рукой подняла и вырастила я детей. Сколько раз стирала я до волдырей на руках, сколько раз больная, в жару, пекла хлеб, со стонами свешиваясь в тонэ, до того нуждалась, что дети, попрошайничая, чуть не встали на другой путь. Я решила: лучше пожертвовать собой и избавить детей от голода. Так и сделала: стала служить у Казара, чтобы выплатить ему долг... совратил он меня... я же говорила... обесчестил... я предпочитала бесчестной жизни честную бедность, но не смогла совладеть с собой; искушение – это враг, который таких несчастных, как я, со скалы заставит прыгнуть... и это я перенесла ради детей... не должна я была тушить свечу своему мужу” [3, 509].

Несчастливая женщина не могла допустить, чтобы грязная рука Казара коснулась ее дочери и в минуту крайнего напряжения чувств убила его. И, кажется, что после этого она становится прежней Нэнэ, только что приехавшей из деревни, сохранившей в себе чистоту и стойкость. Она стоит гораздо выше своих обвинителей. Борющаяся против несправедливости Нэнэ-мать – трагический образ в галерее женских образов Софрома Мгалоблишвили.

Писатель создает интересные, запоминающиеся образы детей Деметрэ: хитрой, лукавой Тины и маленького, косолапого Ило. Они уже почувствовали тяготы беспросветной нужды и теперь барахтаются на дне жизненного потока. Ило паясничает. Тина ворует, оба служат потехе рыночных духанщиков.

В этом рассказе писатель создает и портреты чиновников суда: адвоката и следователей. Они стоят на службе не у справедливости, а у богатства: “Именно в

это время вошел Казара с большой палкой, странно пузатый, с какими-то стопами и фырканием. За ним шел адвокат, похожий больше на стриженного жеребчика, чем на человеческое чадо. Два душеителя приступили к несчастному” [3, 488–489].

Автор называет этого адвоката “торговцем” совестью. Наименьшим равнодушием отличается и следователь, поддерживаемый Казаром. Он и после смерти своего протеже пытается защитить интересы этого грабителя и насильника.

В маленьком рассказе “Снова в западнє” Софром Мгалоблишвили вновь обращается к теме **города**. И здесь главный герой – крестьянин по происхождению, обучившийся ремеслу каретного мастера Гигла Нателашвили. Под влиянием городских молодых людей он начал воровать. И вот при ограблении одного духана Гигла арестовали и посадили в тюрьму. Он выходит из тюрьмы накануне Нового года, с отвращением вспоминая прошлое и мечтая о честной жизни. **Но город** вновь загоняет его в угол. Голодному Гигле отказывают в куске хлеба и в ночлеге. Только бедная вдова, сжалившись, подает ему кусок хлеба. Дрожащий от холода Гигла враждебно смотрит на празднующих Новый год людей, запасшихся продуктами и собирающихся в тепле и при свете встречать праздник. Никому нет дела до бедняка, который, быть может, если переживет сегодняшний день, то завтра начнет честно трудиться. Обиженный на все и всех Гигла решает отравить веселье празднующим. Он прокрадывается в дом, где ему отказали в пище, ворует еду, и, наевшись досыта, засыпает в тепле, а когда собирается уходить, попадает в западню. Его снова арестовывают и ведут в ту же тюрьму, из которой он вышел несколько часов назад, полный самых радужных надежд. Теперь уже ничто нельзя изменить – он превращается в настоящего преступника.

Автор пытается показать обществу человека, однажды последовавшего дурному примеру и совершившего преступление и вторично вынужденного это сделать, т.к. он превратился в отвергнутого обществом. В этом рассказе Софром Мгалоблишвили осуждает **город**, который своей бездушностью калечит душу человека. **Город** способствует воспитанию преступника, а затем швыряет свою жертву на произвол судьбы.

Тема **города** раскрыта в произведениях С.З. Мгалоблишвили с позиций народнической идеологии. И хотя освещена она несколько поверхностно, но портрет ростовщика Казара можно считать (после образа Соломона Исакича Меджгануашвили) одним из самых законченных образов купца в грузинской литературе XIX века.

Литература

1. Зандукели М. З. Сочинения / М. З. Зандукели ; [на груз. языке]. – Тбилиси : ТСУ, 1978. – Т. 3.
2. Кенчошвили Ак. История грузинской литературы / Ак. Кенчошвили ; [на груз. языке]. – Тбилиси : Сабчота Сакартвело, 1974. – Т. 4. – С. 530.
3. Мгалоблишвили С. З. Избранные рассказы / С. З. Мгалоблишвили ; [на груз. языке]. – Тбилиси : “Сахелмцифо гамомцемлоба”, 1963.
4. Плеханов Г. В. Народники-беллетристы // Г. Успенский, С. Каронин, И. Наумов. Собр. соч / Г. В. Плеханов. – Т. : X, 1925.

5. Тавзишвили Г. Софром Мгалоблишвили / Г. Тавзишвили ; [на груз. языке]. – Тбилиси : Детюниздат, 1956.

Аннотация

В статье рассматривается образ города в оппозиции с селом после отмены крепостного права в Грузии (2-ая половина XIX века) на фоне художественных текстов писателя-народника Софрома Мгалоблишвили (1851–1925). Так как объекта наблюдения для писателя – село с ее жителями, то замечается равнодушие к городу. У Мгалоблишвили сельская жизнь с её жителями, сельчанами и господами, описанная почти фотографически. Город же своей холодностью угнетает и так обездоленного бедняка, вырвавшегося из села в поисках счастья.

Ключевые слова: город, большой город, село, холодный город, дружеская среда села.

Анотація

У статті розглядається образ міста в опозиції з селом після скасування кріпосного права в Грузії (2-га половина XIX ст.) на фоні художніх творів письменника-народника Софрома Мгалоблішвілі (1851–1925). Через те що об'єктом дослідження для письменника є село з його мешканцями, то помічається байдужість до міста. У Мгалоблішвілі – сільське життя з його населенням, селянами та панами, змальоване майже фотографічно. Натомість місто своїм холодом пригнічує й без того знедоленого бідняка, який вирвався із села в пошуках щастя.

Ключові слова: місто, велике місто, село, холодне місто, дружня середина села.

Summary

The article deals with the character of a town in the opposition of a village after changing the serfdom in Georgia (second half of the XIX century) in the fiction of a public writer Sofrom Mgaloblishvili (1851–1925). The object of observation for the writer is indifference of the people of a village to a town. S. Mgalovlishvili describes the village life with its peasants and masters nearly photographically. The town with its cold character humiliates the poor, who has escaped from the village to seek happiness.

Keywords: a town, a big town, a village, a cold town, friendly surrounding of a village.

УДК 882–1Б:929

Черкашина С.П.,

аспирант,

Ставропольский государственный университет

МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОППОЗИЦИИ “ГОРОД-СЕЛО” В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ: “КАРАМЗИНДЕРЕВЕНСКИЙ ДНЕВНИК” И “ГОРОДСКОЙ ДНЕВНИК”

Работы Карла Густава Юнга и Карла Кереньи о том, что “величайшие творения” мифологии “способны заставить нашего современника понять, что он оказался перед феноменом, который по “глубине, неизменности универсальности можно сравнить лишь с самой Природой” [4, 5], определили поиск мифологических “праматриц”, или архетипов, что, в свою очередь, послужило рождению такого нового направления в литературоведении как мифопоэтика.

Сегодня термин “мифопоэтическое” прочно вошёл в литературоведческую парадигму и изучение мифопоэтического аспекта творчества того или иного